

ПЛАТФОРМА «АБИССАЛЬ-10»

2014 год.

ОСТИН Е.О.М

18+

ОСТИН Е.О.М

Платформа «Абиссаль-10»

«Автор»

2026

Е.О.М О.

Платформа «Абиссаль-10» / О. Е.О.М — «Автор», 2026

Они думали, что сигнал из космоса — это просто шум. Кембридж, 1992 год. Студент Вэнс Баррон замечает странности в своей девушке Мие: её улыбка становится слишком симметричной, зрачки дwoятся, а внутри её тела ворочается что-то живое и голодное. Профессор Норлан, хранитель секретных архивов китайского учёного Чжан Вэя, раскрывает правду: космос не просто шумит. Он наблюдает. Он подстраивается. Он замещает. Мия исчезает. Вэнс находит её замурованной в пещере под турецкой землёй, опутанной белыми нитями, похожими на живые жилы. Он вырывает её. Они сбегают. Но побег — это часть системы. А настоящий кошмар только начинается.*«Платформа Абиссаль-10»* — это история о любви, которая становится проводником для древнего ужаса. О ритме, который нельзя забыть, и о тишине, которую невозможно объяснить. О том, как спасти человека, не зная, что ты уже ведёшь его на убой. Внимание: книга оставляет после себя тяжесть, желание выключить телефон и просто смотреть, как дышит тот, кого ты любишь.

© Е.О.М О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мам	6
Глава 2.Фантомные боли сознания	8
Глава 3. Письмо	10
Глава 4.Фоновый шум	12
Глава 5. Наследие призраков	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Остин Е.О.М

Платформа «Абиссаль-10»»

Глава 1. Мам

На палубе было слишком много звуков. Гул генераторов, крики чаек, свист ветра в мачтах. Всё это казалось нормальным, пока из шлюза не вывели его. Q не шел — он просто перемещался. Его движения не имели тех микро-пауз и инерции, к которым привык человеческий глаз.

Я стоял в пяти метрах, сжимая планшет. В горле пересохло. Солнце палило нещадно, но Q не моргал. Его глаза были как две дыры, пробитые в реальности. В них не отражался мир. В них не было «я».

— Куда? — мой голос сорвался, прозвучав жалко на фоне океана.

Он не повернул головы сразу. Сначала замер, словно настраиваясь на частоту моего вопроса. — Турция.

Это не было ответом. Это было просто слово, брошенное в пустоту. Без интонации, без интереса. Он не смотрел на вертолет, не смотрел на охрану. Он просто стоял, и от этой неподвижности меня начало подташнивать. В нём не было жизни, которую я изучал в университетах. Там было что-то другое. Холодное и бесконечное.

Провинция Бурдур. Полдень.

Тишина в машине была физически ощутимой. Я вел «Хайлак» по разбитой колее, и каждый хруст гравия под колесами казался оглушительным. Q сидел на пассажирском сиденье. Его руки лежали на коленях — абсолютно симметрично. За три часа он не поменял позы. Он не смотрел в окно, он не спал. Он просто присутствовал.

Я пытался заговорить. Хотел спросить о возрасте, о его народе, о том, что он чувствует. Но каждый раз, когда я открывал рот, слова умирали. Глядя на его профиль — идеально гладкий, без единого изъяна, — я понимал, что мои вопросы для него лишены смысла. Как если бы муравей пытался обсудить с человеком квантовую физику.

— Здесь, — сказал он.

Я затормозил. Пыль медленно осела на лобовое стекло. Вокруг был обычный пустырь. Сухой бурьян, обломки пластиковых ящиков, старая крышка в канаве. Самое обыденное место на земле.

Q вышел и направился к бетонной плите, наполовину засыпанной землей. Он не делал пафосных жестов. Он просто наклонился и... потянул. Без напряжения мышц, без вдоха. Бетон треснул с сухим, коротким звуком. Плита весом в тонну просто отошла в сторону, открывая зев провала.

— Иди, — бросил он в пустоту.

Я включил фонарь. Мы спустились по пологому склону. Сначала я думал, что стены покрыты грязью. Но когда я случайно коснулся их плечом, рука ощутила что-то восковое, липкое. Фонарь выхватил текстуру: это не была земля. Это были наслоения чего-то органического, высохшего до состояния камня.

В какой-то момент под ногами стало мягко. Я опустил луч. Кости. Но не целые. Крошечные фрагменты, истертые в пыль миллионами шагов. И черепа — они были встроены в стены. Не как декор. Как наполнитель. Тысячи пустых глазниц, забитых этой восковой серой массой.

Мы зашли в тупик. Точнее, я думал, что это тупик.

Впереди было Оно.

Это не было монстром. Это было просто *мясо*. Огромный, бесформенный пласт живой материи, занимающий всё пространство пещеры. Оно не имело формы, не имело конечностей. Просто пульсирующая гора тканей, проросшая сосудами прямо в скалу. Оно пахло не гнилью — оно пахло старым телом и железом.

Оно не двигалось, но я чувствовал, как от него исходит жар. В тишине пещеры раздался звук. Глубокий, влажный вдох. Где-то внутри этой массы что-то чавкнуло.

Q подошел вплотную. Его фигура на фоне этой дрожащей стены из мышц казалась крошечной и в то же время единственно важной.

— Мам, — произнес он.

Это слово в этой яме прозвучало чудовищно. Потому что в нём не было нежности. В нём было... признание собственности.

Гора плоти содрогнулась. Из какой-то складки, глубоко внутри, вырвался звук. Это не был голос. Это был выход воздуха через деформированные пути, который случайно сложился в подобие речи: — Сы-ы-ын... сы-ы-нно-ок...

Я замер, не в силах отвести взгляд. Q протянул руку и просто вонзил пальцы в пульсирующий бок. Без колебаний. Как будто открывал банку с консервами. Раздался резкий, влажный звук разрываемой кожи.

Он вырвал кусок. Большой, красный, истекающий темной лимфой.

Я не отвернулся. Я смотрел, как он ест. Быстро. Эффективно. Звук перетираемого мяса в тишине пещеры был единственным, что существовало. В этом не было ритуала. В этом не было зла. Была только функция.

Закончив, он просто приложил окровавленную ладонь к ране. Я видел, как края разрыва начали двигаться сами по себе, как слепые черви, сплетаясь обратно. Через секунду на этом месте остался лишь мокрый след.

— Ты красивая, — сказал он, глядя в эту мясную массу. — Жаль, отец не дожил.

Он не смотрел на меня, когда уходил. Его шаги по костяной муке были тихими. Я остался стоять один на один с этой штукой. Оно продолжало дышать. Медленно. Вечно.

В этот момент я понял, что всё, что я считал «человечеством», — это лишь случайная пена на поверхности этого глубокого, темного колодца. Мы — не венец творения. Мы просто не успели заметить, что этот мир уже занят.

— Вэнс, — донесся его голос из тоннеля.

Я пошел на голос, стараясь не касаться стен. На улице светило солнце. Летали мухи. Где-то далеко гудел трактор. Мир был нормальным. И это было самым страшным.

Глава 2. Фантомные боли сознания

Университет Кембриджа. 12 октября 1992 года.

Я вскочил на кровати так резко, что в глазах потемнело. Дыхание свистело в лёгких, футболка прилипла к спине холодным потом. В комнате пахло пылью и застоявшимся чаем. Обычное утро в общежитии, серый свет пробивался сквозь дешёвые занавески, но внутри всё ещё дрожало эхо странного сна.

Я прижал ладони к вискам. Снова. Опять этот бред: бумажные ширмы, тихий голос женщины, запах благовоний и чёрная собака с пустыми глазами. Откуда это в голове у парня, который дальше Бристоля нигде не был?

— Просто переутомление, Баррон, — прохрипел я сам себе. — Меньше надо читать на ночь.

Спина ныла. Глаза жгло. Последние ночи я почти не спал — только микроскоп, учебники и кофе. Руки слегка дрожали, когда я потянулся к столу. Нужно было написать Мие. Это была единственная вещь, которая ещё держала меня в реальности.

Я сел, взял ручку и начал писать:

«Дорогая Мия, ты не поверишь, какая в Кембридже сегодня мерзкая погода — настоящий туманный кисель. У меня всё нормально, если не считать того, что я, кажется, превращаюсь в зомби. Учеба идёт в гору, профессор Норлан вчера даже похвалил мои выкладки по клеточной регенерации. Сказал, что у меня есть шансы на грант.

Правда, сны стали совсем дурацкими. Сегодня мне снилось, будто я — маленький мальчик в каком-то японском дворце. Играл с женщиной, называл её мамой... А потом из темноты вышла чёрная собака, и я проснулся от собственного крика. Глупости, правда? Наверное, из-за той статьи про восточные паразитарные заболевания. Скучаю по тебе безумно, жду не дождусь каникул. Твой Вэнс Баррон».

Запечатал конверт и вышел. День закрутил меня в привычном ритме. Лекция по биофизике прошла тяжело — в аудитории было душно, голос доктора Хемингуэя монотонно бубнил, а я постоянно проваливался в короткий тяжёлый полусон. После пары меня перехватил профессор Норлан.

— Баррон! Зайдите ко мне после пяти. Нужно обсудить ваш проект. Есть пара моментов, которые меня смущают. Не опаздывайте.

Я кивнул. В голове уже нарастала тупая тяжесть.

После обеда я зашёл в библиотеку. Нужно было уточнить формулы. Открыл тяжёлый том по анатомии, но буквы начали плыть перед глазами. Тишина зала давила. Я положил голову на книгу всего на пять минут.

Проснулся от холода.

В библиотеке было совершенно темно. Только тусклый свет уличных фонарей едва пробивался сквозь окна. Часы показывали половину первого ночи. Чёрт. Норлан.

Я начал торопливо собирать сумку и вдруг замер.

Где-то в глубине, между стеллажами с литературой по палеонтологии, послышался звук. Это не был скрип пола и не шум ветра. Это было влажное, тяжёлое хлюпанье. Как будто кто-то медленно тащил по полу большой кусок сырого мяса.

Я стоял и слушал.

Звук повторился. Ближе. Теперь к нему добавилось прерывистое, свистящее дыхание. Неровное. Будто что-то большое пыталось дышать тихо.

— Эй? — мой голос прозвучал жалко и тонко. — Кто здесь? Мистер Граббс? Это вы?

Ответа не было. Только тишина. А потом хлюпанье снова. Ещё ближе.

Я достал маленький фонарик с брелока. Луч был слабым и дрожал. Я осветил в сторону стеллажей. На секунду мне показалось, что из-за книг на меня смотрят два больших чёрных глаза без белков. Просто смотрят. Без движения.

Сердце ударило так, что в ушах загудело. Это был не обычный страх. Это был глубокий, животный ужас.

Я не стал проверять. Просто рванул к выходу.

Бежал по тёмным коридорам, и каждый поворот казался ловушкой. Казалось, что за спиной что-то тяжёлое и мокрое медленно движется следом. Дверь комнаты в общежитии я захлопнул с грохотом. Сосед за стеной выматерился.

Я запер все замки, дрожащими руками натянул одеяло до подбородка. Сердце колотилось в горле.

— Это просто галлюцинация от недосыпа, — шептал я в темноту. — Завтра извинюсь перед Норланом... Просто нужно поспать.

Но когда я закрыл глаза, то уже не был так уверен.

Это был первый раз, когда реальность начала давать трещину.

И в эту трещину уже кто-то смотрел.

Глава 3. Письмо

Лондон, 13 октября 1992 года.

Я нашла письмо в почтовом ящике утром, когда спускалась за молоком. Конверт был чуть помят, почерк Вэнса — тот самый, немного неровный, как будто он писал в спешке между лекциями. Я улыбнулась. По крайней мере, попыталась.

Но улыбка вышла странной. Словно мышцы лица вспомнили, как это делается, а внутри ничего не дрогнуло.

В квартире пахло вчерашним кофе и мокрой шерстью — вчера вечером шёл дождь, и я забыла закрыть окно. Я села за маленький стол у окна, разорвала конверт и начала читать. Каждое слово было тёплым. Знакомым. Должно было быть тёплым.

«...Скучаю по тебе безумно...»

Я провела пальцем по строке. Бумага была обычной. Чернила обычными. А внутри меня — пустота. Большая, тихая, как будто кто-то вынул середину из яблока и оставил только кожуру. Я люблю его. Конечно, люблю. Мы вместе уже почти два года. Я помню, как мы целовались под тем дурацким навесом у библиотеки, как он смеялся, когда я обожгла язык горячим чаем...

Но когда я пыталась вызвать это чувство сейчас, оно ускользало. Оставалась только тошнотворная сладость, как будто я заставляю себя любить воспоминание о человеке, которого на самом деле уже нет.

Я отложила письмо и подошла к зеркалу в коридоре. Лицо было моим. Те же веснушки, тот же шрам на брови от детства. Но глаза... глаза смотрели так, будто принадлежат кому-то другому. Будто за ними кто-то медленно моргает в такт мне, с небольшой задержкой.

— Прекрати, — тихо сказала я своему отражению. — Ты просто устала.

В последнее время я много работала в архиве музея. Разбирала старые японские свитки, которые привезли из Киото. Странные вещи. Женщины с слишком длинными шеями, чёрные собаки без глаз, бумажные ширмы, за которыми кто-то стоит и дышит. Я говорила Вэнсу, что это просто работа. Но иногда, когда я оставалась одна в хранилище, мне казалось, что свитки шевелятся.

Я вернулась к столу и попыталась написать ответ.

«Дорогой Вэнс...»

Ручка зависла. Что я обычно ему пишу? Что скучаю? Что жду? Что люблю?

Слова казались чужими. Я написала «люблю», и меня сразу затошнило — резко, до холодного пота. Как будто внутри что-то большое и старое недовольно шевельнулось. Я скомкала лист и выбросила.

Вместо этого я написала другое:

«Погода здесь тоже отвратительная. Вчера снова снилась чёрная собака. Она сидела у моей кровати и смотрела. У неё не было глаз, но я знала, что она видит меня насквозь. Странно, да? Наверное, мы оба просто переутомились.»

Я остановилась. Зачем я это написала? Я ведь не собиралась рассказывать ему про собаку. Я даже не была уверена, что это был сон.

В комнате стало очень тихо. Только часы тикали. И ещё что-то — слабое, влажное, будто где-то далеко-далеко что-то большое медленно дышит через мокрую ткань.

Я прижала ладонь к животу. Там было пусто. Не в смысле голода. А по-настоящему пусто. Как будто часть меня вынули ещё давно, а я только сейчас это заметила.

Вечером я легла рано. Свет не выключала. Лежала и смотрела в потолок, пытаясь вспомнить, как именно звучит смех Вэнса. Не получалось. Вместо этого в голове всплывало другое:

тёплые бумажные ширмы, запах благовоний, женский голос, который называет меня... нет, не меня. Кого-то другого.

Я повернулась на бок и прошептала в подушку:

— Вэнс... я здесь. Я ещё здесь.

Но даже произнося его имя, я чувствовала — оно уже немного не моё. Как будто кто-то другой начал прислушиваться к нему через меня.

А где-то очень глубоко, под всеми слоями страха и тошноты, родилась тихая, почти ласковая мысль, которой точно не должно было быть:

«Скоро.»

Глава 4. Фоновый шум

Доктор Чжан Вэй. Пекин, 4 ноября 1982 года.

Я не помню, во сколько именно началась смена. В журнале стоит 18:00, но я помню только, что уже было темно, и чай на столе давно остыл, когда я впервые заметил сигнал.

Сначала я не придавал значения. Космос всегда шумит. Он не должен быть тихим.

Сигнал был слабый. Не резкий. Не яркий. Как будто кто-то очень далеко пытался говорить через воду. Я увеличил фильтрацию. Потом ещё раз. Потом вернул всё обратно. Иногда это помогает — не трогать.

Оператор рядом сказал, не поднимая головы: — Наверное, отражение.

Я кивнул. Так проще. Но не выключил запись.

Через несколько минут сигнал повторился. То же самое. Тот же ритм. Я поймал себя на том, что начинаю ждать следующего повторения. Это было неприятное чувство. Я вызвал анализ спектра. Компьютер работал медленно — старый блок, шумящий вентилятор, тусклый экран. Я смотрел, как линии складываются в форму, которую я не хотел узнавать. Не потому что она страшная. А потому что она почти понятная.

В 02:13 кто-то принёс ещё чай. Я не помню кто. Я даже не помню, пил ли его.

Сигнал стал стабильнее. Это было хуже всего. Сначала он был хаотичным. Теперь — как будто... выстроенным. Как шаги. Не звук. Ритм.

Один из младших техников сказал: — Он повторяется.

Я спросил: — Что именно?

Он не ответил сразу. Потом сказал: — Как будто он проверяет, слышим ли мы.

Я не записал это в отчёт. Такие фразы не любят отчёты.

В 03:40 сигнал изменился. Незначительно. Но достаточно, чтобы я перестал моргать несколько секунд. Форма осталась та же. Но внутри неё появилось ощущение ошибки. Как будто кто-то начал вспоминать слово и почти вспомнил. Я увеличил чувствительность приёма. И пожалел об этом сразу. Потому что шум стал ближе. Это невозможно объяснить. Но он стал ближе.

В комнате стало холоднее. Я не уверен, что это связано. Просто заметил.

Один из графиков показал всплеск. Я смотрел на него слишком долго. Потом стер и построил заново. Он вернулся.

В 05:11 сигнал резко оборвался. Просто исчез. Как будто его не было. Я ждал. Это была ошибка. Я всегда жду слишком долго.

В 05:17 пришёл новый пакет. Слабее. Рваный. И в нём было что-то... неправильное. Не в данных. В ощущении. Я пытался расшифровать его вручную. Это было бессмысленно. Но руки всё равно делали работу. Иногда мне казалось, что смысл почти складывается. Как слово на кончике языка. Но каждый раз оно исчезало раньше, чем становилось понятным.

В отчёте я позже написал: «Структура сигнала адаптивна. Возможна обратная реакция на наблюдение». И остановился. Потому что слово «реакция» звучало слишком живо.

К утру в лаборатории стало тихо. Даже вентилятор компьютера звучал иначе. Я выключил лишние приборы. Оставил только основной приёмник. Перед тем как уйти, я снова посмотрел на экран. Пустой шум. Обычный. Спокойный. Слишком спокойный.

И на секунду — очень короткую, почти случайную — мне показалось, что в этом шуме есть не структура. А привычка. Как будто что-то там не просто существует. А делает это давно.

Я закрыл смену позже обычного. Не потому что нужно было. А потому что не хотелось идти домой сразу. И уже в коридоре, выключая свет, я поймал себя на странной мысли: если кто-то слушает нас так же давно, как мы слушаем его... то, возможно, мы просто поздно начали замечать, что нас тоже когда-то начали слушать обратно.

И мне стало неприятно от того, что эта мысль не показалась мне чужой.

Глава 5. Наследие призраков

Кембридж. 13 октября 1992 года. 08:30 утра.

Утро было холодным и белым. Туман съел шпиглы колледжей, оставив только липкую влагу на стеклах и приглушенный звук далеких велосипедных звонков. В кабинете профессора Норлана пахло старой бумагой, трубочным табаком и чем-то кислым — возможно, реактивами из соседней лаборатории.

Я стоял у двери, чувствуя себя так, словно меня пропустили через мясорубку. Глаза жгло от недосыпа, а в ушах всё ещё стоял тот влажный, хлюпающий звук из пустой библиотеки.

Норлан не поднимал головы. Он сидел за массивным дубовым столом, заваленным папками, и что-то яростно вычеркивал в рукописи красной ручкой. Его седые волосы топорщились в разные стороны.

— Вы опоздали на четырнадцать часов, Баррон, — произнес он, не прерывая работы. Голос был сухим, как пергамент. — Я ждал вас вчера в пять. У меня было правило: три пропуска — и вы вылетаете из проекта.

— Профессор, я... — я запнулся, пытаюсь подобрать слова, которые не звучали бы как бред сумасшедшего. — Я заснул в библиотеке. А когда проснулся... там что-то было.

Норлан замер. Ручка зависла над бумагой. Он медленно поднял взгляд. Его глаза за толстыми линзами очков казались неестественно большими.

— Что-то было? — повторил он почти шепотом. — Опишите. Конкретно. Без эпитетов. Только факты.

Я рассказал. Про холод. Про звук тащащегося мяса. Про глаза без белков, которые смотрели на меня из темноты стеллажей. Пока я говорил, я ждал, что он рассмеется или вызовет мне психиатра. Но Норлан становился всё бледнее. Его пальцы, сжимавшие ручку, побелели.

Когда я закончил, в кабинете воцарилась такая тишина, что было слышно, как тикают часы на стене. Норлан откинулся на спинку кресла и тяжело вздохнул.

— Садитесь, Вэнс.

Я сел на край жесткого стула. Профессор вытащил из ящика стола папку, которая разительно отличалась от остальных. Она была старой, с желтыми краями, а сверху стоял штамп на китайском языке и инвентарный номер, нанесенный от руки.

— Вы думаете, что вы уникальны в своем страхе, — начал Норлан, глядя куда-то сквозь меня. — Но биология — это не только клетки под микроскопом. Это ещё и сигналы. Десять лет назад, в восемьдесят втором, один человек в Пекине начал слышать то же самое, что вы увидели вчера. Его звали Чжан Вэй.

Он пододвинул папку ко мне. Внутри были графики — те самые ломаные линии, которые Чжан рисовал долгими ночными сменами.

— Вэй был гением радиоастрономии, — продолжал Норлан. — Он зафиксировал структуру, которую назвал «адаптивным шумом». Он утверждал, что космос не просто шумит — он *наблюдает* в ответ. Вэй верил, что определенные частоты могут влиять на органику. Что звук может вызывать материализацию... определенных биологических форм.

— Это звучит как безумие, — прошептал я, глядя на ровные столбики цифр.

— Безумие? — Норлан горько усмехнулся. — Год назад Чжан Вэй исчез. Просто вышел из своей лаборатории в Пекине и не вернулся. Ни вещей, ни записки. В его квартире нашли только работающий радиоприемник, настроенный на пустую частоту, и пол, покрытый... — он замаялся, — покрытый странной серой слизью, которая по составу напоминала костную муку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.